

УДК 130.2

«РЕВОЛЮЦИЯ» ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В РУССКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 30-Х ГГ. XX ВЕКА

О.С. БОРИСОВА¹¹
С.Н. БОРИСОВ²¹

*¹¹ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²¹ Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу символического насилия в дискурсе советского кинематографа 30-х гг. XX века. Обосновывается тезис о возможном понимании символического насилия в контексте трех концептуальных пар: насилия – дискурса, насилия – коммуникации, насилия – кода.

Ключевые слова: символическое насилие, кинематограф, репрезентация, событие, дискурс.

Большинство исследований революционной культуры начинается с 1917г., что представляется устоявшимся схематизмом. Можно предположить, что подобная традиция восходит к отечественной, то есть советской социально-гуманитарной мысли, сделавшей 1917г. своеобразной «точкой отсчета», временем обновления мира и обнуления социокультурных практик. К таким работам можно отнести труд Г.И. Поршнева «Революция и культура народа: сборник статей по внѣшкольному образованию»¹, Н.И. Бухарина «Пролетарская революция и культура»², А. Белого «Меж двух революций»³ и особенно «Революция и культура» в которой революция предстает более как событие, идея, более соотносимая с творческим порывом поэта, нежели суровой практикой⁴. И хотя они исходят из различных оснований, топика революционной культуры оказывается одна и локализуется она после 1917г. Та же идея разрыва, но с «другой стороны баррикад», проводится В.И. Ильиным в работе «Религия революции и гибель культуры», где обосновывается несовместимость культуры и самодостаточного, «автолеличного», то есть самоцельного явления революции⁵.

Вместе с тем, революционная культура и ее антропологические аспекты в том числе, возникает раньше и уже к первой русской революции 1905г. предстает оформившейся. Но сразу стоит оговориться, что до 1917г. она предстает в статусе субкультуры, культуры «подпольного человека». Рассмотрение проблемы в таком ракурсе свойственно многим авторам, к которым можно отнести М. Могильнер (Мифология подпольного человека...) и В.Л. Соскина (Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект)⁶. Так М. Могильнер утверждает, что: «литературный эпос радикализма успел приобрести законченные формы к началу XX века, именно к тому моменту, когда наряду с окончательной кристаллизацией типа профессионального революционера, организационно оформилась партийная система, определявшая политическую историю радикальной интеллигенции и страны в целом вплоть до Октября 1917года»⁷. Мифология, во-

* Статья подготовлена при поддержке гранта БГИИК ВКГ-1202-6

¹ Поршнев Г.И. Революция и культура народа: сборник статей по внѣшкольному образованию 1917.

² Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура М., 1923.

³ Белый А. Меж двух революций М., 1990.

⁴ Там же. С.10-12.

⁵ Ильин В.И. Религия революции и гибель культуры УМСА-Press, 1987. – С.81.

⁶ Соскин В.Л. Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект. Новосибирск, 1994.

⁷ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. – С.7.

площенная в художественном нарративе, массово освоенном революционерами, сложившаяся организационная структура и политический революционный дискурс есть бесспорное свидетельство сложившейся революционной субкультуры.

Ее истоки (революционной субкультуры) подробно описаны как ее сторонниками, так и противниками. Интеллигентская по «социальному происхождению», она проистекала из отчужденности русской интеллигенции от народа и государства, отсутствия прочных традиций и увлеченность идеями, мало соотносящимися с реальностью. Преобладание формы над реальным содержанием в идеологии «подпольного человека» диагностировалось целым рядом отечественных мыслителей, среди которых был Н.Н. Страхов. Его слова-диагноз, поставленный русской радикальной интеллигенции позже будут повторяться в «Вехах» и станут типичными в описании ситуации конца XIX начала XX веков в России. В частности, в своей рецензии на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом», он пишет: «У нас же – мы должны это помнить – тьма, глубокая тьма царит над умами; у нас нет для суждений твердых, ясных точек опоры; мы до сих пор не умеем понимать широко и тонко и потому все перетолковываем, все прикидываем на узкие мерки кой-каких понятий, нахватавшихся нами из хаоса чужих мнений»⁸. Отсутствие традиций, точек опоры для рефлексии и саморефлексии в том числе, объясняют резкое противостояние радикальной, революционной субкультуры и базовой культуры.

Свой исток революционная субкультура черпала в философии и воплощала в литературном мифотворчестве. Общей же схемой взаимодействия этой субкультуры и базовой культуры была жесткая дуальность, противостояние и неприятие, выразившееся в насильственных формах террора. Эта дуальность воспроизводилась в идеологических текстах и ментальных схемах, оказывала влияние на поведение и принятие решений. Ее следы мы можем найти в позднейшей революционной культуре, ставшей легитимной и официальной. Но, противостояние не следует понимать тотально, как полное неприятие, поскольку при этом революция и последующая легитимация революционной культуры были бы невозможны. Радикальная субкультура находила поддержку в широких кругах российского общества: «моральная санкция общества была необходимым условием существования радикальной интеллигенции – нового социального феномена, лишенного возможности найти оправдание своим действиям как в традиции, так и в общепринятой морали»⁹. Эта санкция имела символическое происхождение, поскольку формировалась посредством литературного творчества. В терминах философии события можно сказать, что традиция и онтология «подпольного человека» конструируется дискурсивно в событии-репрезентации.

Сами революционеры уравнивали слово и дело, при некотором приоритете первого. Мысль о том, что идея, слово формирует действительность не вызывала сомнения и репрезентация радикалов, их идеализированный и романтизированный образ действительно влиял на реальность: «беллетристика была манящей вывеской параллельного мира, вербовавшей все новых и новых желающих переступить его порог. В автобиографиях революционеров, вступивших на эту стезю в 1870-х годах, нечаевский процесс и художественная литература фигурируют как равноценные факторы, определившие их жизненный выбор»¹⁰. Более того, вплетенность реальности в нарратив, не только привлекала адептов в революционную субкультуру, но и в определенной мере легитимировало ее. Это действительно было противостояние реальности и фантома, базовой культуры реальных форм и виртуального мира образов и идей под названием «революция».

Ориентированность на печатное слово сохраняется и после 1917г., стесненные объективными обстоятельствами, большевики прилагают максимум усилий для увеличения публикаций. Статистические данные, приводимые Ш. Плаггенборгом в работе «Революция и культура» доказывают это: «...в 1928 г. удалось превзойти предвоенные пока-

⁸ Страхов Н. Н. Литературная критика М.: Современник, 1984. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/ (дата обращения: 22.08.2011)

⁹ Могильнер П. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа М., 1999. – С.19.

¹⁰ Там же. С.24.

затели 1913 г. по количеству опубликованных названий. В этом году вышло 270,5 млн экземпляров книг на 68 языках...»¹¹. Естественно, большая часть литературы, издававшейся начиная с 1917 г. носила пропагандистский характер и направлялась, прежде всего, в армию и крупные города. Провинция снабжалась печатью недостаточно и с опозданием вплоть до 30-х гг. Но общая тенденция, наметившаяся еще в дореволюционный период, сохраняется. Революционная культура зарождалась как нарративная, конституировалась в формах художественного слова и легитимировалась в дискурсе и с его помощью. В рамках этого дискурса событие-репрезентация революции было апроприировано идеологией в первую очередь.

Если к 30-м годам XX века применимо утверждение о тотальности контроля применительно ко всем способам репрезентации революции, то в отношении печатного слова это произошло гораздо раньше, поскольку уже на третий день после свержения Октябрьской революции Совет народных комиссаров Декретом о печати запретил выпуск прессы меньшевистского содержания¹². Именно этим, мы можем предположить, объясняется «нечувствительность» политико-идеологического дискурса к произошедшим переменам, принципиальная нефиксируемость события-репрезентации революции в текстах самих революционеров. Они воспроизводили уже устоявшиеся модели революционной субкультуры, получившей возможность легализации, а ее носители образовали политическую элиту.

После свержения революции, манифестации события¹³, в многочисленных трудах практиков и теоретиков революции она занимает весьма скромное место. Ш. Плаггенборг так описывает этот факт: «революция была делом прошлого. Несмотря на инфляционные тенденции вследствие частого употребления этого слова современниками, а также его бесконечную эксплуатацию в лозунгах «революционной борьбы за социализм/коммунизм», после 1918 г. массы говорили о революции в прошедшем времени: «Революция победила». Наступила пора строительства. Для некоторых революция закончилась после того, как ее поместили в музей...»¹⁴. Музей в данном случае есть прямое указание на полное присвоение события идеологией, перевод его из разряда актуального события («здесь и сейчас») в культурный архив, означавший деактуализацию события, его прекращение. Так, работа Н.И. Бухарина «Железная когорта революции» (1922) начинается словами: «Пять лет стоит у власти российский пролетариат, и даже противники его видят, что крепнет эта власть, пускает прочные, мощные подземные корни, охватывает ими рыхлую российскую землю, переделывает российский народ, железной рукой великана ведет миллионы людей по тернистому, кровавому пути, через проволочные заграждения, под ураганным огнем врага, по голодной степи – к светлой победе всеединого человечества. Как совершилось это историческое чудо, на которое, разинув рот от удивления или истекая бессильным бешенством, смотрит всесветное мещанство? Конечно, здесь «виноваты» прежде всего общие исторические рамки, внутри которых шли чугунным шагом черные трудовые батальоны, свергающие ненавистный режим»¹⁵. Спустя пять лет Н.И. Бухарин оценивая событие революции пишет о ней как о вневременном явлении, естественном, обусловленном объективными факторами развития истории¹⁶.

¹¹ Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. – С.141.

¹² Там же. С.129.

¹³ Наш подход к определению революции как события более подробно мы раскрывали в статье Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.

¹⁴ Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. – С.41.

¹⁵ Бухарин, Н.И. Железная когорта революции URL : <http://revarchiv.narod.ru/bukharin/oeuvre/cogorta.html> (дата обращения: 22.08.2011)

¹⁶ И здесь личное, субъективное время подчинялось времени идеологическому уже вне темпорального «разрыва» события-революции, которое как раз и «латается» политическим временем. Подробнее о субъективном времени см. Ю.М. Мельник, В.П. Римский Экзистенциальное

Поскольку создается впечатление, что «трудовые батальоны» именно шли в «толще истории», непрерывно и безостановочно. И в этих словах нет субъективного переживания революции, уникальности события и его множественности. Есть схема исторического процесса и факторы. Собственно революции как таковой (революции «самой по себе») тоже нет, а есть *теория революции, ее идеологизированная форма*, переделывающая человека, по словам Бухарина. Антропологические изменения должны произойти сами собой, вследствие самого факта произошедшей революции, но строго в соответствии с теорией марксизма.

Можно сказать, что революция как явление объективизируется и это не требование жанра или диктат политического дискурса. Скорее это сложившееся отношение, восприятие. На уровне языка само слово «революция», которое соотносимо с субъективным переживанием и опытом, соседствует с безличным «история». История вытесняет революцию: «...история вовсе не представляет на этот счет революционному классу свободы выбора, и никем еще не было доказано, что русскому пролетариату обеспечен экономный характер революции. Во-вторых, самый вопрос о революционной «экономии» сил приходится рассматривать не в национальном, а в мировом масштабе. Инициатива революции именно в силу всего предшествовавшего развития, как мы видели выше, оказалась возложенной не на старый пролетариат с могущественными политическими и профессиональными организациями, с тяжелыми традициями парламентаризма и тредюнионизма, а на молодой пролетариат отсталой страны. История пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь»¹⁷.

Столь же объективными позиционировались и преобразования человека, которые в первое десятилетие после революции представляли собой более схему, чем подробный план. Утрата событийного восприятия революции была восполнена в политико-идеологическом производстве символического основания революции самими ее теоретиками, что выражалось в рассуждениях о теоретической «правильности» свершившейся революции, а избыточность утраченной событийности революции превращается в недостаток, сведенную к идеологической схеме.

В письме Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917г. А.А. Богданов пишет: «Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть *вопросом*, о котором рассуждают *словом*, в котором нет ясного содержания. Надо выяснить ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику, чтобы всегда можно было решить: вот это – она, а это нет. Такова моя задача, ее я не брошу до конца»¹⁸. И это план «должного» революции освоенной теорией, множественности события-жизни поглощенного единичностью теории. Вместе с тем, А.А. Богданов в том же письме вынужден соотносить план идеологически выверенной схемы революции с противостоящей ему реальностью: «Ваша безудержная демагогия – необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение – необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата. Черные годы реакции огрубил его, затемнили его сознание... А идеал социализма? ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, то с рабочим социализмом объективно порвал, тот ошибочно считает себя социалистом – он идет по пути военно-потребительского коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты. – Он может выполнять объективно необходимую задачу, как нынешний большевизм; но в то же время он обречен на крушение, политическое и идейное. Он отдал свою веру солдатским штыкам, – и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело. Здесь действительно трагизм»¹⁹. Трагизм для Богданова в крушении сформированной схемы революции, которая не соответствовала жизни. Революционная субкультура, создавшая идеализированный образ

время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2009. №16 (71). Вып.10. – С.24-36.

¹⁷ Троцкий Л.Д. Мысли о ходе пролетарской революции URL: <http://revarchiv.narod.ru/trotsky/oeuvre/pensieri.html> (дата обращения: 22.08.2011)

¹⁸ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. – С. 352-355.

¹⁹ Там же. С. 352-355.

революционера и революции, столкнулась с необходимостью перехода в иной статус, культуры легальной. «Выход из подполья» был осуществим только в принятии иных маргинальных субкультур и их если не полной, то частичной легализации. Борьба за власть делала необходимым поиск союзников, что было сопряжено с уступками в собственных представлениях.

Именно в этом ключе стоит рассматривать проект присвоения революционной культурой сферы музыкального творчества. Поскольку можно предположить, что революция как событие образовало столкновение образа революции, сложившегося в радикальной революционной субкультуре (план воплощения идеи профессиональными революционерами), события-репрезентации (отражение события в творчестве (прежде всего композиторов, художников, писателей и режиссеров)), а также того, что Бадью связывал с «изменой» событию, его прекращением, то, что можно связать с противоположным как идеологическому плану революции (коллективному идеальному), так и субъективному плану революции как уникального; того, что отождествимо с рассмотрением революции в соотношении с погромом, бунтом, преступлением и проч. Это своеобразное третье измерение революции, которое ей сопутствует и связано, но существует как бы параллельно. Своеобразная «изнанка» революции и революционной культуры, которая тесно соприкасалась с субкультурой преступного мира (равно как и другими субкультурами, например крестьянской и солдатской).

Переходя к вопросу кино и его апроприации идеологическим аппаратом, государства стоит начать со слов В. Розанова о невозможности прерывания революции, ее завершения: «Революция имеет два измерения – длину и ширину; но не имеет третьего – глубины. И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*; никогда не «завершится»... Она будет все расти *в раздражение*; но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! Я – счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*»... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». *Perpetuum mobile, circulus vitiosus*, и не от бесконечности – куда! – а именно от короткости. «Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств. «Конура», «длина цепи», «возврат в конуру», тревожный коротенький сон.

В революции нет радости. *И не будет...*»²⁰.

Трактуя революцию субъективно и оценивая ее с позиции событийности негативно, В. Розанов исходил из ее принципиальной недостаточности, ненаполненности бытия революции²¹. Однако эта нехватка, говоря языком Ж. Лакана, имела возможность восполнения и была реализована символическими средствами, в том числе и средствами кино. «Тревожный коротенький сон» был продлен техническими средствами посредством кинематографа²². В этом проявилась двойная роль революционного кино, с одной стороны продолжая событие в событии-репрезентации, с другой совершая его присвоение и утилизацию в идеологии.

Анализ репрезентации революции средствами кинематографа в России должен учитывать несколько моментов, среди которых первым будет являться то, что «рождение» отечественного кино практически совпало с первой русской революцией 1905г. То есть, традиции в изображении, трактовке революции не было. Визуальные средства кинематографа в отображении этого феномена еще не были изобретены. Естественно, стоит обращать внимание на возможные заимствования и влияние традиции репрезентации революционеров революции, сложившееся в русской литературе. Однако сам план взаимоотношений литературы и кино сложен. Так, Н.А. Хренов предлагает рассматривать ки-

²⁰ Розанов В. Опавшие листья URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/roz/anov4.htm (дата обращения: 22.08.2011)

²¹ Эту позицию можно сравнить с субъективной ситуацией непонимания или растерянности перед событием, что близко к трактовке события М. Бланшо: «Событие – это провал настоящего, время без настоящего, с которым у меня нет связи, и в направлении которого я не способен проецировать себя» Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001. – С. 783.

²² Ср. с трактовкой кино В. Михалковичем в работе «Избранные российские киносы». М., 2006.

но и литературу как две универсальные категории культуры, «показа» и «рассказа»²³. И эти категории противоположны по темпоральности (кино и родственные ему формы цирка, балагана – архаическое событийное время; литература – время линейное с четким противопоставлением в нарративе прошлого, настоящего и будущего); способу коммуникации (Н.А. Хренов рассматривает цирк как предшествующую кино культурную зрелищную форму): «Все проявления искусства того периода прочитывались сквозь призму литературных идей. Те же явления, для которых такой литературный код не годился, казались несущественными. Правда, до определенного времени. Таким «несущественным» явлением культуры XIX века оказался цирк. Действительно, в культуре того времени не было ничего более чуждого литературе, чем цирк. Ни одну литературную идею того времени цирк выразить не мог... Дело было даже не в содержании этой идеи, а в несходстве структур литературы и цирка как коммуникативных структур»²⁴.

И это было несходство сюжета (повествования) и цирковой программы (события, разворачивающегося здесь и сейчас). Конечно же, противостояние не было тотальным, и взаимопроникновение происходило, но противоположность сущностная позволяет нам утвердиться в нашем предположении о сложности заимствования литературного революционного «канона» кинематографом 20-х годов XX века.

Второе состоит в том, что кино в начале XX века рассматривалось современниками как медиум, средство отражения реальности. Этот немаловажный факт должен учитываться, как собственно и то, что «реальность кино», несмотря на ее восприятие как реальности «физической», сходной, есть реальность культурная. Само же событие революции, взятое в преломлении его кинематографом и рассматриваемое как событие-репрезентация, сочетается в себе указанные выше аспекты.

Их можно описать как несколько уровней события революции как разрыва бытия:

- 1) смена одного типа культуры другим;
- 2) смена ценностных оснований (от традиционных ценностей к ценностям культуры модерна);
3. смена «языка кино», поиск визуальных средств, адекватных событию.

Все в совокупности можно рассматривать как своеобразное «обнуление», возврат к некоей исходной точке, которая, безусловно, всегда выделяется с большой долей условности. На уровне культуры в целом это проявляется в упрощении ее формообразований. На уровне ценностей в возврате к базовым ценностям и изменении ценностей периферийных²⁵. Претерпевает изменение и дискурс кинематографа, который стремясь отразить происходящие изменения, ищет новые знаково-символические формы. Интересующая нас фигура человека, центрирует указанные моменты в образе «человека естественного» или «естественного субъекта».

Это продолжение общей логики «обнуления», отката системы назад в поисках оснований и устойчивости. Человек естественный соответствует «среде» которая трактуется как естественная или физическая. Примеры мы находим в творчестве Д. Вертова, которое стоит рассматривать в данном ключе также как репрезентацию революции в попытке обращения к наиболее простейшим из возможных элементов, как своеобразную археологию кода. Просто реальность обретает здесь значение реальности революционной, о чем говорит Н.А. Хренов применительно в репрезентации культуры «перехода» от одного типа культуры к другому: «С точки зрения вызревающих ценностей нового типа культуры ее новая реальность, кажущаяся просто физической, и оказывается такой же культурной реальностью, какой она была для прежней культуры. Но очевидно, что для новой культуры та физическая реальность предстает в новом свете, закрепляя за собой отсутствующие в традиционной культуре смыслы»²⁶. Это возврат к естественности как исходному коду и есть один из аспектов символического насилия. Таким образом, Вертов это своеобразный «ноль», минимальный уровень символизации, когда событие революции репрезентирует

²³ Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.121.

²⁴ Там же. – С.63-64.

²⁵ См. Шевченко С.Н. Социальное дарение в аксиологии русской культуры. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. к.филос.н. Белгород., 2010.

²⁶ Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.22.

себя как «чистая» явленность естественного бытия, исходный код. Просто бытие можно приравнять и отождествить с событием разрыва в событии-репрезентации того времени, восприятия его «естественным» человеком.

С. Эйзенштейн и его работы, особенно «Броненосец Потемкин», являют собой также событие-репрезентацию революции, но несколько иное. Хотя образ «естественного человека» мы можем найти и там. Отличие мы можем усмотреть, продолжив цитату из З. Кракауэра, приведенную Н.А. Хреновым в работе «Кино: реабилитация архетипической реальности»: «Может показаться странным, – пишет он, – что мы до сих пор почти не видели улиц, человеческих лиц, вокзалов и тому подобного – то есть того, что находится перед нашими глазами. Кинематограф позволяет нам увидеть то, что мы не видели и, пожалуй, даже не могли увидеть до его изобретения. Фильмы успешно помогают нам открывать материальный мир с его психофизическими свойствами. Своими попытками постичь его через объектив кинокамеры мы буквально выводим мир из состояния небытия»²⁷. Если разделить высказывание на две части, то метафорически выражаясь, первая – это Вертов, реальность как она есть в кино. Реальность, которую мы не видели и не могли видеть ранее. Событие в его непосредственной данности. Вторая – это Эйзенштейн, в работах которого событие более событие-репрезентация или событие «периформатированное» в коммуникацию. «Мир из состояния небытия» как события революции, конструирующее новую реальность через коммуникацию. Собственно последняя становится возможной благодаря тому, что разрыв состоялся, революция произошла, а потому есть необходимый минимум, старое и новое соотносимое Эйзенштейном диалектически. Возникает еще один аспект символического насилия как «захвата» реальности, события, в коммуникации.

Революция как событие есть разрыв устоявшихся логик воспроизводства (социальных, политических, ментальных и иных) предоставляет человека «самому себе». Это прерывание традиции или откат назад на уровне системы в целом с чего начинается «обнуление» субъекта, который с полным правом отождествим с «естественностью». Начало процесса революционной субъективации связано с тем, что событие «сталкивает» субъекта с самим собой как объектом и субъектом что приводит к удвоению «естественного субъекта». То, что происходит «после революции» можно в целом обозначить как присвоение революции в дискурсе, коммуникации и коде, эти линии представляют собой триединство символического насилия.

Список литературы

1. Белый А. Меж двух революций М., 1990.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990.
3. Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
4. Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура М., 1923.
5. Бухарин Н.И. Железная когорта революции URL : <http://revarchiv.narod.ru/bukharin/oeuvre/cogorta.html> (дата обращения: 22.08.2011)
6. Ильин В.И. Религия революции и гибель культуры УМСА-Press, 1987.
7. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2009. №16 (71). Вып.10.– С.24-36.
8. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
9. Плагтенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
10. Поршнев Г.И. Революция и культура народа: сборник статей по внешкольному образованию 1917.
11. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.

²⁷ Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М., 1974. С. 69 / цит.по Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.37.

12. Розанов В. Опавшие листья URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/roz/anov4.htm (дата обращения: 22.08.2011)
13. Соскин В.Л. Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект. Новосибирск, 1994.
14. Страхов Н. Н. Литературная критика М.: Современник, 1984. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/ (дата обращения: 22.08.2011)
15. Троцкий Л.Д. Мысли о ходе пролетарской революции URL: <http://revarchiv.narod.ru/trotsky/oeuvre/pensieri.html> (дата обращения: 22.08.2011)
16. Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006.
17. Шевченко С.Н. Социальное дарение в аксиологии русской культуры. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. к.филос.н. Белгород., 2010.

“REVOLUTION” AFTER REVOLUTION: SYMBOLIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN CINEMA OF 1930S

O.S. BORISOVA¹⁾
S.N. BORISOV²⁾

*¹⁾Belgorod State National
Research University*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The article deals with the analysis of the symbolic violence in the discourse of the soviet cinema in 1930s. The authors claims the possible interpretation of the symbolic violence in the context of the three conceptual couples: violence – discourse, violence – communication, violence – code.

Keywords: symbolic violence, cinema, representation, event, discourse.